

Глава 16

Аромат османтуса

Это была их вторая встреча втроём. И первая, инициатором которой выступил Цзян Сяньи.

Он пришёл раньше всех. Местом встречи назначили заметный дорожный указатель недалеко от его дома. Возможно, именно из-за близости к дому Юй Чэн на этот раз почти не опоздал, да ещё и принёс с собой небольшой контейнер с охлаждённым арбузом.

— Будешь? Довольно сладкий.

Цзян Сяньи взял у него шпажку и, откусив кусочек, зажмурился от холода.

— Ты его с прошлого года в морозилке держал?

— Эй, братец, — недовольно покосился на него Юй Чэн, — сегодня такое солнце, если бы я его не заморозил, он бы уже в лужу превратился.

Цзян Сяньи не стал вступать в бессмысленный спор о том, может ли арбуз «превратиться в лужу» и было ли это фигурой речи. Вместо этого он кивнул подбородком в сторону тропинки.

— А вот и он.

Из-за деревьев плавной походкой вышел высокий, стройный юноша. Доу Инь был одет во всё белое, а его длинные волосы были небрежно собраны в низкий хвост, спадавший на плечо. На фоне сочной зелени и синего неба, с лёгкой улыбкой на губах, он выглядел удивительно невинным.

Юй Чэн переводил взгляд с одного на другого, и его лицо расплылось в умиленной улыбке.

— Наконец-то вы начали общаться!

— Вовсе нет, — отрезал Цзян Сяньи.

Юй Чэн счёл это простым упрямством и продолжил рассуждать вслух:

— Теперь понятно, почему мы сегодня потащились в это исхоженное вдоль и поперёк место. Оказывается, ты решил позаботиться о новом друге.

Цзян Сяньи на мгновение пожалел, что вообще его позвал.

— Только не говори так при Доу Ине, — произнёс он, одновременно подцепляя кусок арбуза, чтобы занять рот Юй Чэна.

Когда они втроём поздоровались, Юй Чэн пошёл вперёд, показывая дорогу. Все трое сегодня предусмотрительно надели удобные кроссовки, идеально подходившие для прогулок по тропинкам. В дни октябрьских праздников здесь было не протолкнуться. На главной аллее можно было увидеть лишь море затылков, а о прогулке не шло и речи. Деревья османтуса росли по обеим сторонам дороги, но, чтобы уловить их аромат, приходилось молиться, чтобы люди впереди приняли душ, иначе порыв ветра приносил лишь густой запах пота, напрочь перебивавший нежное благоухание цветов.

Тропа, по которой их вёл Юй Чэн, пролегла через жилой комплекс и чайные плантации.

Холмистый рельеф и бескрайняя зелень создавали ощущение, будто сам воздух здесь был густо насыщен кислородом.

Доу Инь, шедший последним, поравнялся с Цзян Сяньи и тихо спросил:

— Сюэчжан, какой у нас сегодня урок?

— Показываю тебе маршрут, чтобы ты потом мог привести сюда свою девушку.

Доу Инь, казалось, был не слишком доволен.

— Не говори так... Какие там отношения, мы ещё даже не начали... Не называй её моей девушкой.

— А как называть? — выгнул бровь Цзян Сяньи. — Ты ведь так и не сказал мне её имени.

— Чтобы лучше вжиться в роль, давай не будем о ней говорить, хорошо?

— О чём шепчетесь? — внезапно обернулся Юй Чэн.

Доу Инь от неожиданности споткнулся о ступеньку и едва не потерял равновесие, но Цзян Сяньи инстинктивно подхватил его. Ладонь легла на тонкую ткань рубашки, ощутив под ней крепкие, напряжённые мышцы спины.

— Ничего, — покачал головой Доу Инь. — Я чуть не упал, И-гэ меня поддержал.

Недоумение во взгляде Юй Чэна сменилось беспокойством.

— Хорошо, будь осторожнее. Этот склон довольно крутой, но скоро он закончится.

Убедившись, что Юй Чэн снова смотрит на дорогу, Цзян Сяньи убрал руку и кивнул Доу Иню.

— Иди впереди меня.

Тот послушно кивнул и, поменявшись с ним местами, пошёл следом за Юй Чэном.

Цзян Сяньи рассеянно смотрел на зелёные кроны деревьев. Раньше его до крайности раздражала дружба Юй Чэна и Доу Иня. А теперь он сам, за спиной у лучшего друга, перешёптывался с ним. Более того... у них даже появился общий секрет. Он так и не рассказал Юй Чэну о своей договорённости с Доу Инем. Без какой-либо веской причины, просто интуиция подсказывала, что не стоит этого делать.

Подняв глаза на Юй Чэна, который всё ещё с глуповатой улыбкой нёс в руках контейнер из-под арбуза, Цзян Сяньи неожиданно ощутил укол совести.

Доу Инь, казалось, был здесь впервые. Он с любопытством поглядывал по сторонам, разглядывая деревья, усыпанные цветами, словно звёздами. Лёгкий ветерок доносил их свежий, сладкий аромат. Цзян Сяньи снова уловил запах, исходивший от самого Доу Иня — смесь жасмина и золотого османтуса, мягкий и нежный, как и его голос, в котором всегда слышались бархатные нотки.

Тропинка, по которой они шли, разительно отличалась от главной дороги. Людей здесь было мало, но и каменные ступени были не такими надёжными. Хорошо, что погода была ясной — после дождя здесь наверняка было бы скользко. Цзян Сяньи вспомнил, как однажды ездил к

брату в город С и поднимался на гору Цинчэн. Он решил пойти к даосскому храму по узкой тропе, и, как назло, это было после ливня. Грязь и слякоть испортили ему обувь, а двадцатиминутный путь растянулся на целый час. Ближе к вершине он даже видел лошадей, перевозивших грузы. Но именно на таких тропах всегда открывались самые красивые виды. Иногда, желая побыть в одиночестве и развеяться, Цзян Сяньи приходил сюда. Он любил гулять в наушниках, слушать музыку и размышлять о жизни. После таких прогулок на душе всегда становилось легче.

Чем выше они поднимались, тем величественнее становились деревья османтуса. Они росли не только по краям тропы, но и целыми рощами. Издалека казалось, будто кроны посыпаны золотой пылью — так густо крошечные цветки покрывали ветви.

Они остановились на мгновение, любуясь открывшимся видом.

— Спасибо, сюэчжан, что пригласил меня, — улыбнулся Доу Инь.

— Главное, запомни дорогу, — безэмоционально ответил Цзян Сяньи.

Юй Чэн уже доел арбуз. Поблизости не было мусорных баков, а бросать контейнер где попало он не хотел, поэтому так и нёс его в руках, словно драгоценную шкатулку.

— Сяо Инь, какие у тебя планы на оставшиеся каникулы?

— Пока никаких, — задумался Доу Инь. — Отец в командировке, так что дома, кроме прислуги, никого нет.

— А твоя мама? — спросил Цзян Сяньи, машинально сорвав цветок османтуса и вертя его в пальцах.

В воздухе повисла тишина. Только тогда он понял, что сказал что-то не то. Юй Чэн отчаянно сигналил ему глазами и легонько шлёпнул себя по лбу, всем своим видом показывая, что случилась катастрофа.

— Моя мама... умерла.

Лицо Доу Иня на мгновение застыло, и у Цзян Сяньи всё сжалось внутри. Он тут же выбросил цветок, жалея о своём необдуманном вопросе. Но Доу Инь лишь покачал головой и слабо улыбнулся. Впрочем, Цзян Сяньи показалось, что улыбка эта была вымученной.

— Это было давно. Я привык, что её нет дома.

Не успел Цзян Сяньи ничего ответить, как вмешался Юй Чэн.

— Дружище, у тебя есть мы. Если что, просто зови нас, договорились? — он посмотрел на Цзян Сяньи, взглядом давая понять, что всё под контролем и он спасает ситуацию.

Цзян Сяньи кивнул и согласно хмыкнул.

После этого Юй Чэн обнял Доу Иня за плечи и пошёл рядом, то и дело отпуская шуточки, чтобы его развеселить. Он полностью взял на себя задачу по поднятию настроения, и сгустившиеся было тучи быстро рассеялись.

Глядя на их удаляющиеся спины, Цзян Сяньи почувствовал, как утихает беспокойство из-за его оплошности. Юй Чэн, хоть и казался порой легкомысленным и с детства любил с ним

препираться, был искренним и очень чутким к чувствам близких. Как и он сам, Юй Чэн делил людей на «своих» и «чужих», и для «своих» был готов на всё.

Теперь, успокоившись, Цзян Сяньи начинал понимать его. Тот год, когда Юй Чэн готовился к пересдаче экзаменов, был невероятно тяжёлым. Нужно было не только обойти тысячи конкурентов и получить заветное место в академии искусств, но и не завалить общеобразовательные предметы. Сам Цзян Сяньи тогда уже поступил в университет Z. Он часто хотел связаться с другом, но у Юй Чэна забрали телефон, и классный руководитель выдавал его только по выходным. Он боялся отвлекать его, боялся, что его излишнее беспокойство создаст дополнительное давление, поэтому они виделись лишь изредка. А мягкий и спокойный Доу Инь, должно быть, оказал ему в тот год огромную поддержку. Без него Юй Чэну пришлось бы очень нелегко.

Тогда он и сам был ещё мальчишкой. Им обоим только-только исполнилось восемнадцать, и, когда Юй Чэн постоянно упоминал другого друга, его это злило. Простое «спасибо» в адрес Доу Иня так и не было произнесено.

Юй Чэн пытался их познакомить ещё до выпускных экзаменов, но удалось это лишь недавно, и то только потому, что они с Доу Инем оказались в одном университете. Если бы не это, они вряд ли бы подружились.

Доу Инь, казалось, уже пришёл в себя и снова радовался прогулке. Когда он улыбался, не показывая зубов, его глаза превращались в щёлочки, и он действительно был похож на послушного ребёнка. В этот момент Цзян Сяньи даже перестал думать о том, притворяется он или нет, и привычное отторжение ослабло. Отбросив эти мысли, он ускорил шаг, чтобы догнать друзей.

Подойдя ближе, он услышал, что Доу Инь тяжело дышит. Тот обернулся и виновато улыбнулся.

— Сюэчжан, я больше не могу идти.

Юй Чэн посмотрел на Цзян Сяньи, предоставляя ему право принять решение.

— Что будем делать?

— Найди палку, — пожал плечами Цзян Сяньи, — потащим его наверх.

В детстве, когда он уставал в горах, родители именно так и затаскивали его на вершину.

Юй Чэн и вправду начал искать подходящую ветку.

— Она же грязная... — слабо запротестовал Доу Инь.

— Боже мой! — картинно всплеснул руками Юй Чэн. — Ваше высочество! Чистюля! Ты еле на ногах стоишь, а беспокоишься о какой-то палке?! Тогда пусть Цзян Сяньи несёт тебя на спине. У меня руки заняты, — он потряс пустым контейнером.

Цзян Сяньи не успел и слова сказать, как Доу Инь густо покраснел. Он прикрыл лицо тыльной стороной ладони и, отвернувшись, пробормотал:

— Я... я лучше сам пойду...

— Чего это ты смутился? — расхохотался Юй Чэн. — Сяо Инь, когда ты краснеешь, ты и правда

похож на пай-мальчика.

Цзян Сяньи почему-то вспомнил Доу Иня в тот вечер в баре — пьяного, с нежным румянцем на щеках, послушно сидящего с прямой спиной и потягивающего из бутылочки детское молоко «Ванцзай». Он и сам не сдержал улыбки.

Воодушевлённый общим весельем, Доу Инь нашёл в себе силы идти дальше. Они преодолели ещё один участок пути и наконец достигли вершины подъёма. Теперь нужно было либо возвращаться той же дорогой, либо спускаться по другой тропе.

— Куда теперь? — спросил Юй Чэн, с удовлетворением выбросив наконец контейнер в мусорный бак.

— Зачем смотреть на то, что уже видели? Пойдём по другой, — решил Цзян Сяньи.

Но очень скоро они поняли, что совершили ошибку. Взглянув на тропу, ведущую вниз, они замерли. Перед ними было настоящее людское море.

— В прошлом году здесь почти никого не было.

— Наверное, какой-нибудь блогер разрекламировал, — мрачно предположил Цзян Сяньи, в очередной раз убеждаясь, что приезжать в популярные туристические места в праздники — плохая идея.

Им пришлось влиться в толпу. Короткий спуск превратился в мучение. Цзян Сяньи то и дело толкали, и ему хотелось превратиться в ежа и колоть иголками каждого, кто к нему прикоснётся. По обочинам сидели торговцы, продававшие лотосы, семена лотоса и различные сладости из османтуса.

— Мёд из османтуса! И упаковка такая красивая! — восхитился Юй Чэн.

— А я как раз перед выходом поел, — небрежно бросил Цзян Сяньи. — Мама приготовила. Жаль, тебе не досталось.

Юй Чэн смерил его испепеляющим взглядом. Его мать, в отличие от матери Цзян Сяньи, готовила, мягко говоря, без вдохновения. Он до сих пор помнил, как в детстве расплакался, попробовав школьный обед, — настолько вкусной показалась ему еда.

В последние годы по всей стране распространилась мода на синие дорожные знаки с надписью: «Я в [название места], и я очень по тебе скучаю».

Юй Чэн первым заметил такой знак. Не забыв ещё обиду, он решил нанести ответный удар. Он похлопал Цзян Сяньи по плечу и, указав на знак, протянул с издевательской интонацией:

— Я-я-я... в Мань-цзюэ-лу-у-не... о-о-очень... по те-бе-е ску-ча-а-ю...

Цзян Сяньи остался невозмутим.

— А я в Маньцзюэлуэ очень хочу умереть, — ледяным тоном ответил он.

— Ха-ха-ха, да ладно тебе, не пугай! — рассмеялся Юй Чэн и дружески толкнул его плечом.

Доу Инь молча наблюдал за ними. Его взгляд был прикован к Цзян Сяньи — к уголкам его губ, тронутым улыбкой, к смягчившемуся взгляду. Хоть он и говорил с Юй Чэном своим обычным

холодноватым тоном, было очевидно, что он расслаблен и доволен.

Доу Инь сжал руки в кулаки так, что ногти впились в ладони. Когда он разожмёт их, там наверняка останутся глубокие полумесяцы. Он знал, что, когда становится больно, нужно отпустить. Но сердце продолжало трепетать. Эта картина была до боли знакома, он мог видеть её даже с закрытыми глазами — с самой юности и до сегодняшнего дня.

В толпе какой-то ребёнок вырвался из рук родителей, вызвав небольшую суматоху. Один из догонявших его взрослых сильно толкнул Доу Иня. В лодыжке что-то пронзительно хрустнуло.

Он глухо вскрикнул. Цзян Сянъи тут же обернулся.

— Что случилось?

Несколько прядей волос упали Доу Иню на лицо. Он побледнел от боли и опустился на корточки.

— Кажется, я повредил лодыжку.

<http://bllate.org/book/13679/1212060>